

ПРОЛОГ

ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПОГРУЖЕНИЯ Я ВПЕРВЫЕ попробовала виски.

Я плыла сквозь воду, наполненную звоном драгоценных камней, за маминой фигурой к играющему на поверхности воды свету.

Ноги горели от ударов по тяжелому поясу — Изольда настояла, чтобы я надела его в свое первое погружение на рифе. Я сморщилась — сердце колотилось в груди — и вынырнула под ясным небом.

Первое, что бросилось мне в глаза, — это отец, который выглядывал с левого борта «Жаворонка», упершись локтями о борт. И улыбался, что случалось крайне редко, отчего во взгляде его голубых глаз проблеснула искорка, будто вызванная огнем.

Мама протащила меня по воде и приподняла к лестнице, чтобы я смогла зацепиться за нижнюю перекладину. Я полезла по лестнице, дрожа от холода, и как только перебралась на борт, оказалась в объятиях ожидающего Сейнта. Он понес меня по палубе — с моих рук и волос текла вода.

Мы оказались в каюте рулевого. Сейнт стянул со своей кровати стеганое одеяло и укутал меня в него — все вокруг наполнилось ароматным запахом коровяка. Вскоре в каюту зашла мама, и я у видела, как папа наполнил один из изумрудных стаканов виски.

Он поставил стакан в центр стола. Я взяла его и повернула стекло так, чтобы на гранях стакана отражался и блестел солнечный свет.

Сейнт стоял в ожидании. Когда я поднесла стакан к губам и залпом выпила виски, уголок его рта, закрываемый усами, изогнулся в ухмылке. Сначала начало гореть горло, затем желудок, я зашипела, стараясь спокойно дышать.

Мама взглянула на меня с чувством, которого я не видела в ее взгляде до этого момента. Почте-

ние. Будто произошло что-то одновременно чудесное и ужасное. Она моргнула и притянула меня между собой и Сейнтом. Я утонула в тепле их объятий, которое перенесло меня в детство.

Но теперь я не на «Жаворонке».

ОДИН

Я РАСПАХНУЛА ГЛАЗА ОТ УДАРА ШКИВА О палубу, отчего вокруг вдруг появился залитый светом мир. Раздались шаги на деревянной поверхности. На четвердеке замелькали тени. Зашуршали развевающиеся на мачте паруса.

Голову пронзила боль, я сощурилась от солнечного света и принялась считать. На «Луне» было как минимум двадцать человек в экипаже, а возможно, и больше, если на борту оказались беспризорники Уотерсайда. Их скрывают либо в трюме, либо в каюте рулевого. С того момента, как я оч-

нулась, я так и не видела Золу. Время тянулось, а солнце мучительно медленно двигалось по западной стороне неба.

В проходе захлопнулась дверь, я стиснула зубы, отчего челюсть пронзила боль. По всей палубе раздалась тяжелая поступь Клова, который направился к штурвалу. Его шершавые руки коснулись спиц штурвала, а взгляд упал на пылающий горизонт.

Штурмана отца я не видела уже четыре года, с того самого дня на Джевале, когда он и Сейнт вытянули лодку на отмель и бросили меня на пляже. Но я помнила его лицо. Я бы узнала его где угодно, потому что оно было в почти каждом моем воспоминании. Воспоминаниях о «Жаворонке». Воспоминаниях о родителях. Его лицо всплывало даже в самых старых, размытых фрагментах прошлого.

С момента, как я заметила его, Клов почти не обращал на меня внимания, но по его вздернутому вверх подбородку и взгляду, блуждающему над моей головой, стало понятно, что он однозначно знает, кто я такая.

Помимо родителей Клов был единственным близким для меня человеком, и он спас мне жизнь в ту ночь, когда «Жаворонок» затонул в Силках Бури. Но он даже не обернулся, когда уплывал с отцом от Джевала. И не вернулся за мной. Когда я встретилась на Серосе с Сейнтом, отец сказал,

что Клов больше *не с нами*, отчего я представляла, что его кости лежат на наносе из ила на дне Узкого пролива. Но вот же он, штурман «Луны».

Клов почувствовал на себе мой изучающий взгляд. Возможно, из глубин его сознания пробилося то же самое воспоминание, которое он тщательно там похоронил. Его спина распрямилась, невозмутимый взгляд слегка ослабел. Но Клов так и не взглянул на меня, отчего я не могла понять, изменился ли он или остался тем самым Кловом, которого я помнила. Сейчас моя жизнь зависела от этого.

Перед мачтой остановилась пара сапог, и я взглянула в лицо женщине, которую уже видела этим утром. Ее остриженные волосы цвета соломы разлетались на лбу. Она поставила рядом со мной ведро воды и вытянула из-за пояса нож.

Женщина села на корточки и потянулась сверкающим на солнце ножом к моим рукам. Я отпрянула назад, но она рванула веревку на себя и прислонила холодное лезвие ножа к моему запястью. Она освобождала меня.

Я замерла, оглядываясь на палубу, в голове бешено закрутились мысли, и я осторожно подобрала под себя ноги. Резкий рывок ножа, и мои руки освободились. Я вытянула перед собой дрожащие ладони. Как только ее взгляд опустился вниз, я резко вдохнула и кинулась вперед. Я на полной скорости врезалась в нее, ее глаза распахнулись, и она

с грохотом упала, ударившись головой о деревянную палубу. Я прижала ее к бухте троса¹ у правого борта и потянулась за ножом.

К нам поспешили шаги, и за спиной раздался грубый голос:

— Нет. Пусть даст волю эмоциям.

Экипаж застыл на месте, и как только я обернулась через плечо, женщина выбралась из моей хватки и повалила меня ногой в сапоге. Я прорычала, поползла к женщине и схватила ее за запястье. Она попыталась пнуть меня, но я ударила ее руку о железную рукоятку, которая опускала якорь. Я почувствовала, как под кожей ломаются мелкие кости, и с еще большей силой ударила ее снова, отчего из хватки женщины выпал нож.

Я перелезла через нее и схватила нож, от головокружения врезавшись в борт. Я подняла перед собой трясущееся лезвие. Нас окружала только вода. Ни намек на сушу. Вдруг внутри меня что-то упало, сердце замерло.

— Закончила? — снова прогремел голос, каждый обернулся к проходу.

Показался рулевой «Луны»: руки в карманах, на лице ни капли беспокойства от того, что я возвышалась с ножом в руках над членом его команды.

Зола проплелся между людьми с тем же беззаботным настроением, с каким горели его глаза

¹ Бухта троса — трос, уложенный кольцами.

в таверне в Серосе. Его лицо озаряла насмешливая ухмылка.

— Я приказал умыть ее, Калла. — Его взгляд упал на женщину у моих ног.

Она посмотрела на меня, взбешенная вниманием экипажа. Ее сломанная и уже опухшая рука покоилась у ребер.

Зола сделал ко мне четыре медленных шага и достал из кармана одну руку. Он протянул мне ладонь и кивнул подбородком на нож. Я не пошевелилась, отчего его губы растянулись в улыбке. Корабль на мгновение накрыла мертвая тишина, пока мое горло не схватила другая рука Золы. Он впечатал меня в борт и сжал пальцы так, что я уже не могла дышать.

Всем своим весом Зола навалился на меня, отчего я перегнулась за борт, а носки сапог оторвались от палубы. Я оглядывала головы за его спиной в поисках светлых волос Клова, но его там не было. Когда я чуть не упала за борт, я отбросила нож, который со звоном упал на палубу и скользнул по деревянной поверхности так, что теперь до было невозможно дотянуться.

Калла подняла его и засунула за пояс, рука Золы мгновенно отпустила меня. Я упала на веревки и начала хватать ртом воздух.

— Умойте ее, — снова сказал он.

Зола ненадолго задержал на мне взгляд и развернулся на пятках. Он прошагал мимо команды

к штурвалу, на который опирался Клов с прежним безразличным взглядом.

Калла рывком подняла меня здоровой рукой, толкнула к носу корабля, где у фок-мачты до сих пор стояло ведро с водой. Команда вернулась к работе, а она достала обрезок ткани из-за пояса.

— Снимай, — плюнула она, смотря на мою одежду, — сейчас же.

Мой взгляд упал на работающих матросов, прежде чем я отвернулась к носу корабля и стянула через голову рубашку. Калла села на корточки позади меня, натерла обрезок ткани о кусок мыла и принялась окунать его в ведро, пока не появилась пена. Она с раздражением протянула мне ткань, которую я взяла в руки и начала смывать с себя пот, не обращая внимания на членов экипажа. Вода, стекающая по моей коже на палубу, порозовела от засохшей крови.

Прикосновения к коже оживили воспоминания о Уэсте в его каюте, о весе его теплого тела на мне. Глаза снова обожгли слезы, я втянула носом воздух в попытке осушить их и отодвинуть подальше воспоминания, пока они совсем не захлестнули меня. Запах утра, когда я проснулась в его кровати. Его лицо в сером свете, его дыхание на моей коже.

Я потянулась рукой к ямочке у основания ключицы, вспомнив о кольце, которое я выторговала в комиссионной лавке. Его кольцо.

Оно пропало.

Уэст проснулся в каюте один. Наверное, он стоял в ожидании на носу корабля, всматриваясь в гавань, а когда я не появилась, он мог отправиться в Дерн.

Не знаю, видел ли кто-нибудь, как меня тащили на «Луну». А если и видели, то вряд ли расскажут. Уэст мог решить, что я передумала. Заплатила за переправу до Сероса какому-нибудь торговцу в порту. Но если и так, то я забрала бы часть из вырученных денег, логически размышляла я, пытаясь отогнать всевозможные идеи, кроме одной, в которую я хотела верить.

Что Уэст отправится на мои поиски. Что он приплывет за мной.

А если он приплывает, то случится что-то похуже. Я видела и скрытую сторону рулевого «Мэриголд», в ней таилась тьма, полная огня и копоти.

Ты его не знаешь.

Во мне эхом отозвались слова, сказанные Сейн-том в таверне.

Возможно, Уэст и команда «Мэриголд» разорвут все связи с Сейн-том и со мной. Отправятся в свой собственный путь. Возможно, я *не знала* Уэста. Не слишком хорошо.

Но отца-то я знала. И прекрасно понимала, какие игры он затеял.

Я отмывала себя все сильнее, соленая вода щипала кожу, и, закончив, увидела Каллу с парой но-

вых брюк. Натянув их на себя, я завязала тесемки на талии, чтобы брюки не спали с бедер, и Калла бросила в меня чистую рубашку.

Когда я завязала волосы в узел, она окинула меня взглядом и, удовлетворившись, развернулась к проходу под четвердеком. Она подождала меня и поспешила мимо Клова в каюту рулевого. Я замешкала, когда остановилась в его тени и, подняв взгляд, посмотрела на него из-под ресниц. Последняя капля сомнения в том, что это был он, испарилась, и я всмотрелась в его обгоревшее на солнце лицо. На языке вертелся ураган всего, что я желала ему высказать, и я проглотила отчаянное желание закричать.

Губы Клова поджались под усами, прежде чем он открыл лежащий на столе бортовой журнал и провел огрубелым пальцем по странице. Вдруг он был так же удивлен видеть меня, как и я его? Вдруг Зола втянул нас обоих в свою войну с Уэстом? Чего я совсем не могла понять, так это почему он работает на человека, которого отец ненавидел больше всего на свете.

Он закончил с записью, закрыл журнал, и, устремив взгляд на горизонт, слегка повернул штурвал. Клов либо стыдился смотреть на меня, либо боялся, что кто-нибудь заметит. Не знаю, что из этого хуже. Клов, которого я знала, перерезал бы горло Золе только за то, что тот притронулся ко мне.

— Не тормози, нырятьщица! — прокричала Калла из прохода, придерживая одной рукой открытую дверь.

Я окинула Клова взглядом длиной в один вздох и проследовала внутрь, оставив его и солнечный свет. Я ступила в зябкую темноту, сапоги отбивали четкий ритм по деревянным половицам, несмотря на то что моими конечностями завладела дрожь.

За мной растянулась бескрайняя морская синева. Единственный способ выбраться с корабля — узнать, что задумал Зола, но у меня не было тузов в рукаве. Ни затонувшего корабля, полного самоцветов, для сделки, ни денег, ни секретов, что вызовят меня из ловушки, в которую я попала. Но даже если за мной и плыла «Мэриголд», я была совершенно одна. Груз мыслей камнем повис внутри меня, и на плаву меня удерживала только ярость. Я не стала подавлять ее — чувство завладевало мной — и снова взглянула на Клова.

Неважно, как Клов оказался на «Луне». Сейнт ни за что не простит такое предательство. Да и я не могла. Никогда еще отец не был так близок мне, и вместо испуга меня наполнило чувство крепкой силы. Ноги будто якорем пригвоздило к палубе в момент, когда меня озарило.

Я не какая-то джевальская нырятьщица, не пешка во враждебной игре Золы с Уэстом. Я дочь Сейнта. И прежде чем я сойду с «Луны», об этом здесь узнает каждый мерзавец.

ДВА

В КАЮТУ РУЛЕВОГО ВЕЛА ЯСЕННАЯ ДВЕРЬ с выжженный на ней гербом «Луны». Над тремя стеблями ржи возвышался полумесяц. Калла открыла дверь, я последовала за ней. Меня окутал прелый затхлый запах старых бумаг и лампового масла.

Пыльный луч света пеленой покрывал каюту, растворяясь в темных углах. Неравномерный цвет стен выдавал истинный возраст корабля. Старый, но прекрасный: в каждой детали каюты чувствовалась искусная работа мастера.

Пространство не было захлавлено: в нем выделялись только обшитые атласом стулья, стоявшие у длинного стола, во главе которого сидел Зола.

В центре стола красовались серебряные подносы с едой и золоченые подсвечники. Лучи света танцевали на блестящих ножках фазана и жареных артишоках с почерневшей кожурой — настоящее пиршество.

Даже не посмотрев на меня, Зола подхватил кусочек сыра из миски и уложил его на край своей тарелки. Над головой Золы, поскрипывая, на крючке висела поржавевшая люстра, отбрасывающая мерцающий свет — на ней осталось совсем немного хрустальных шариков. Все зрелище кричало о попытке бедняка показать свое величие, хотя, казалось, Зола это не смущало. В его жилах текла кровь Узкого пролива, поэтому он скорее умрет от своей горделивости, чем признает свое лживое притворство.

— Что же, добро пожаловать на «Луну», Фейбл. — Зола поднял на меня взгляд, плотно сжав губы.

Я почувствовала жжение на горле, которое всего пару минут назад он сжимал своими руками.

— Присядь. — Зола взял со стола украшенный жемчугом нож и вилку и принялся разделять фазана. — Давай, не стесняйся. Ты, должно быть, голодна.

Из открытого окна подул ветерок, задевая на своем пути свернутые на столе Зола карты, отчето их растрепанные края радостно затрепетали. Я осмотрела каюту, пытаюсь найти какую-либо под- сказку о том, что он задумал. Но она не отличалась от всех тех кают рулевого, которые я уже видела. Да и Зола ничем себя не выдавал, только выжидательно смотрел на меня поверх подсвечников.

Я небрежно отодвинула стул на противополож- ную сторону стола — ножки скрипели по полу — и села. Довольный, Зола снова обратил свое внима- ние к тарелке. Как только из фазана стал вытекать сок, я отвела взгляд в сторону. Соленый запах еды пробудил во мне тошноту, но даже она не срав- нится с тем голодом, который я испытаю через пару дней.

Зола наколол вилкой кусок мяса, вытянул его перед собой и посмотрел на Каллу. Она кивнула и выскользнула из каюты, закрыв за собой дверь.

— Верится мне, ты осознала, что мы далеко от суши и тебе не попытать удачи в море. — Он за- кинул кусок фазана в рот и прожевал его.

Наверняка я знала одно — мы плывем на юго-запад. Но куда мы направляемся, непонят- но. В Узком проливе самым южным портом был Дерн.

— Куда мы плывем? — спокойно спросила я, расправив спину.

— К Безымянному морю, — ответ дался Золе слишком легко, что мгновенно насторожило меня. Однако я не смогла скрыть своего удивления, чему Зола был явно рад. Он подцепил кусочек сыра и завертел пальцами вилку.

— Тебе нельзя плыть к Безымянному морю, — бросила я, поставив локти на стол и нагнувшись вперед.

Бровь Золы изогнулась, он медлил с ответом, прожевывая пищу.

— Значит, люди до сих пор рассказывают эту байку?

От меня не ускользнуло, что Зола не поправил меня. Зола до сих пор разыскивали в тех водах, отчего могу предположить, что у него было разрешение на торговлю в портах, расположенных ниже Узкого пролива.

— О чем задумалась? — ухмыльнулся он. По голосу Золы казалось, что ему действительно интересно.

— Пытаюсь понять, почему война с Уэстом для тебя важнее собственной головы.

Его плечи затряслись, голова склонилась вниз, и как только я подумала, что он подавился куском сыра, я осознала, что Зола смеется. Истерично.

Он ударил ладонью стол, сощурил глаза и отвалился на спинку стула.

— Ох, Фейбл, ты же так глупа. Уэст тут совсем ни при чем. И тот ублюдок, за которого он делает

грязную работу. — Зола выронил нож. Он лязгнул о тарелку, отчего я вздрогнула.

Так он знает, что Уэст работает на Сейнта. Возможно, из-за этого и возникли разногласия.

— Да, я знаю о «Мэриголд». Я не дурак. — Его ладони опустились на подлокотники стула.

Внутри меня все сжалось: его расслабленное поведение подсказывало, что где-то нависла большая опасность, которую пока мне не под силу увидеть. Зола слишком расслаблен. Слишком спокоен.

— Дело в тебе.

По коже пробежали мурашки.

— Это еще что значит?

— Фейбл, я знаю, кто ты такая.

Его слова прозвучали где-то вдалеке. Всего лишь эхо на просторах океана, полного паники, завладевшего моей душой. У меня сперло дыхание, будто грудь веревкой перевязали. Зола был прав. Я была глупой. Зола знал, что я дочь Сейнта, потому что его штурман — один из трех людей, которые во всем Узком проливе знали об этом. Вряд ли это совпадение.

Если это все-таки правда, то Клов предал не только Сейнта. Он также предал мою маму. А я и подумать не могла, что Клов на такое способен.

— Ты и правда похожа на нее. На Изольду.

У меня скрутило живот от того, насколько его слова были пропитаны близкими отношениями с моей мамой. Я с трудом поверила отцу, когда

он рассказал мне о том, что Изольда работала на «Луне», прежде чем стала членом команды Сейнта. Она никогда не говорила о тех временах, будто время установилось после того, как она уплыла из Бастиана и примкнула к команде «Жаворонка».

Уже в те времена Зола враждовал с отцом. Противостояние между торговцами не прекращалось, но Золе удалось найти то оружие, которое круто изменило течение войны.

— Как ты узнал? — спросила я, внимательно наблюдая за ним.

— Будешь притворяться, что не знаешь моего штурмана? — Он встретился со мной холодным взглядом. — Сейнт сжег много мостов, Фейбл. Жажда мести сильно движет людьми.

Я медленно вздохнула, наполняя ноющую грудь влажным воздухом. Крошечная частичка моей души хотела, чтобы он опроверг это. А надломленная частичка разума надеялась, что узнал он это не от Клова.

— Если ты знаешь, кто я такая, то понимаешь: только Сейнт узнает обо всем, он убьет тебя, — бросила я, желая, чтобы в словах появилась доля правды.

Зола пожал плечами.

— Скоро он не будет моей заботой. — В его голосе звучала уверенность. — Вот поэтому ты и здесь. Мне нужна твоя помощь. — Он откинул-

ся на спинку стула, потянулся за буханкой хлеба и оторвал от нее кусок.

Я наблюдала, как он жирно намазывает масло на корку.

— Моя помощь?

Он кивнул.

— Именно. После сможешь вернуться к своей жалкой команде или в какое-нибудь захолустье на Серосе, где ты хотела обжиться.

Тревожило то, что Зола, казалось, правда, имеет это в виду. В его взгляде, остановившемся на моих глазах, не было ни капли лукавства.

Мой взгляд снова обратился на закрытые ставни окна, за планками которых сияла голубая вода. Здесь должна совершиться сделка. Я ему нужна.

— Чего ты от меня хочешь?

— Ничего, с чем бы ты не справилась. — Он медленно очистил артишок от кожуры и пронзил мякоть зубами. — Почему ты не ешь?

Я бросила на него взгляд. Только на смертном одре я соглашусь поесть или принять что-нибудь от любого на этом корабле.

— Ты всегда кормишь пленников со своего стола?

— Фейбл, ты не пленница. Я же говорил. Мне просто нужна твоя помощь.

— Ты только что похитил меня и привязал к мачте корабля.

— Решил, что это лучший для тебя способ выпустить пар перед нашим разговором. — Его губы снова растянулись в улыбке, и Зола покачал головой. — Как я и говорил: вся в нее. — Хрипло рассмеявшись, он опустошил стакан с виски и с грохотом впечатал его в стол. — Калла!

За дверью слышали шаги, и она распахнулась. Калла застыла в ожидании в проходе.

— Калла покажет тебе твой гамак в трюме для экипажа. Если тебе что-то понадобится, обращай к ней.

— Гамак? — Я в замешательстве перевела взгляд с Золы на Каллу.

— О своих обязанностях узнаешь завтра и беспрекословно их примешь. Те, кто отлынивает от работы на этом корабле, не едят. Поэтому до суши они обычно не доживают, — добавил Зола, скривив рот.

Я не могла понять, в его выражении лица проявлялось помешательство или веселье. Возможно, и то, и другое.

— Верни мне мой нож.

— Он тебе не понадобится, — ответил он с набитым ртом. — Экипажу приказано не приставать к тебе. На «Луне» ты в безопасности.

— Верни мне нож, — повторила я, — и кольцо.

Зола обдумывал мои слова, взял со стола льняную салфетку и вытер жирные пальцы. Он встал со стула с искусной резьбой, подошел к своему сто-

ду у дальней стены и потянулся к вороту рубашки. Вдруг из-за ворота показалась золотая цепь, и в воздух взлетел железный ключ, который Зола поймал ладонью. Замок ящика щелкнул от поворота ключа, и ящик открылся. Зола достал кольцо и передал его мне.

Затем он достал нож, перевернул его в руке и протянул мне.

— Я уже видел этот клинок.

Потому что он принадлежал Уэсту. Он отдал его мне перед тем, как мы сошли с «Мэриголд» в Дерне, чтобы продать собранные драгоценности с «Жаворонка». Я забрала клинок у Золы и потеряла изношенную ручку большим пальцем — в груди боль все наступала. Чувство близости к нему окутало меня, как порыв ветра на палубе: вот ты его ощущаешь всем телом, но в следующую секунду он проскакивает к борту и скрывается в море.

Зола в ожидании взялся за ручку двери. Я заткнула нож за пояс и ступила в темный проход.

— Пошли, — раздраженно бросила Калла.

Она исчезла на нижних ступенях лестницы, которая вела в трюм. Я медлила, обернувшись в сторону палубы в поисках Клова. Но управление кораблем взял на себя кто-то другой. Клова не было.

Ступени закрипели, когда я начала спускаться в чрево корабля, воздух стал холоднее в тусклом свете подвешенных в коридоре фонарей. В отличие от «Мэриголд» этот коридор был главной арте-

рией корабля, от которого ответвлялись проходы к другим каютам и складским помещениям.

Я замерла на месте, когда мы проходили мимо одной из открытых дверей, за которой виднелся мужчина, склонившийся над набором инструментов и занятый ведением записей. Кайла, молотки, зубила. Мои брови сдвинулись, когда я заметила в темноте блеск только что обожженного металла. Инструменты ныряльщика. А за мужчиной зияло черное пространство.

Сощурившись, я прикусила щеку. «Луна» предназначена для перевозки крупных товаров, но ее корпус оказался пуст. Должно быть, корабль недавно разгрузили. Я заметила, что в Серосе корабль тяжело дрейфовал на воде. Зола не просто направлялся к Безымянному морю, так еще и оставил весь груз.

Почувствовав на себе мой взгляд, мужчина замер и поднял взгляд — глаза словно осколки черного турмалина. Он протянул руку к двери и захлопнул ее. Я сжала кулаки, ладони вспотели. Зола прав. Я понятия не имела, что он затеял.

Калла прошла до конца узкого коридора, который вел в темное помещение, не закрываемое дверью. Я зашла внутрь и инстинктивно потянулась к ножу. Над куртками и ремнями, висящими на крючках на стенах, на толстых деревянных балках, качались пустые гамаки. В углу трюма, похрапы-

вая и спустив одну руку, спал мужчина, укутанный в стеганое одеяло.

— Вот твое место, — Калла кивнула на низко подвешенный гамак в третьем ряду.

— Это трюм для экипажа, — проговорила я.

Она пристально смотрела на меня.

— Я не член экипажа. — Мои слова подчеркнуло слышимое в голосе возмущение. Я вышла из себя, только представив, что буду спать вместе с экипажем. Мне здесь не место. Никогда не будет.

— Член, пока Зола не решит обратное. — Похоже она пришла в бешенство. — Он настрого приказал не приставать к тебе. Но знай... — она понизила голос, — мы знаем, что вы, мерзавцы, сделали с Крейном. И мы этого не забудем.

Это не предупреждение. Это угроза.

Я переступила с ноги на ногу, усилив хватку на ноже. Если в экипаже знали, что я была на «Мэриголд», когда Уэст и его команда убили Крейна, то каждый дышащий на этом корабле становился моим врагом.

Между мной и Каллой повисло напряженное молчание, пока она все-таки не ушла сквозь открытый проход. Я оглянулась в темной комнате, нервно выдохнув. Над головой послышался стук ботинок, а корабль слегка накренился — порыв ветра запутался в парусах, — отчего гамаки задвигались, как стрелки компаса.

Под натиском жуткой тишины я крепко обняла себя руками и нырнула в темный угол между сундуками, чтобы хорошенько осмотреть трюм. С корабля мне не убежать, пока мы не доберемся до порта, и я уж точно не узнать, куда мы направляемся. Или зачем.

В мысли ворвались воспоминания о моем первом дне на «Мэриголд»: я стояла в проходе, опустив руку на герб на двери. На корабле я была посторонней, но стала частью его. И теперь каждая частичка моего тела с болью просилась обратно на корабль. Под кожей вспыхнул жар, глаза наполнились слезами. Я была дурой. Позволяла себе думать — даже ненадолго, — что находилась в безопасности. Что нашла семью и дом. И всего за одну секунду меня лишили всего этого.

ТРИ

ЛУЧИ БЛЕДНОГО ЛУННОГО СВЕТА МЕДЛЕННО перемещались по деревянному дощатому полу, подбираясь все ближе ко мне, пока палубу не окутало утреннее тепло.

Видимо, Зола не соврал: команде приказано не приставать ко мне. Члены экипажа даже не смотрели в мою сторону, когда возвращались в трюм, чтобы подменить друг друга на смене. Подчас посреди ночи я закрывала глаза, но продолжала крепко сжимать в ладони клинок Уэста.

Из полудремы меня вытянули доносившиеся из прохода голоса. «Луна» волочилась по волнам, я напряглась от того, что рядом со мной по полу прокатилась голубая стеклянная бутылка. Я почувствовала, что корабль замедляет ход, затем раскрыла ноги и встала на пол.

Над головой кто-то зашагал. Я вжалась в стену, ожидая, что сейчас зайдут в трюм. Однако из прохода доносился только гул ветра.

— Убрать паруса! — Я вздрогнула от мощного голоса Клова.

Живот скрутило, пока я наблюдала за мелькающими тенями между планками на ставнях. Мы подплывали к порту.

Клов раздавал приказы, и все больше голосов отвечало ему. Корабль снова тяжело осел, и я, поскользнувшись на мокрых половицах, потянулась к переборке¹, чтобы не потерять равновесие.

Либо с попутным ветром мы за ночь уплыли из Узкого пролива, либо мы делали остановку.

Я вышла в проход и, придерживаясь одной рукой за стену, стала осторожно переступать с ноги на ногу. Калла не сказала, чтобы я оставалась в трюме, да и Зола подтвердил, что я не пленница, но казалось, если я буду ходить по кораблю

¹ Переборка — вертикальная стенка внутри корпуса судна, разделяющая внутренне пространство на отсеки.

в одиночестве, кто-то вот-вот воткнет мне нож в спину.

Как только я поднялась на палубу, меня ослепило солнце, отчего я быстро заморгала, пытаюсь присмотреться сквозь яркий свет. Два члена экипажа взбирались по огромным мачтам до оттяжек¹ и отточенными движениями спускали паруса.

Я замерла на месте, увидев Клова у штурвала, и спряталась в тени мачты. При взгляде на него мои челюсти сжались, все тело пронзила ярость. Никогда бы не подумала, что в этой жизни Клов сможет предать Сейнта. Но хуже всего то, что ему доверяла она — моя мама. Она любила Клова как брата, отчего было просто невысказано, что он способен предать *ее*. Этого просто не могло быть.

Зола стоял на носу корабля, скрестив на груди руки, — ворот куртки приподнят, чтобы защититься от ветра. Но дыхание у меня сперло от того, что виделось за ним. Я ухватилась за борт раскрыв рот.

Джевал.

В ярко-синем море остров походил на сияющий изумруд, из бурлящих вод, как почерневшие зубы, выступали барьерные островки. «Луна» заплыла в крайнюю бухту с неказистыми причалами, а вдалеке за знакомым горизонтом поднималось солнце.

¹Оттяжка — снасть, которая удерживает паруса.

Последний раз я видела остров, когда, спасаясь, убегала с него. Я положилась на милость команды «Мэриголд» после четырехлетних попыток выжить, ныряя на этих рифах. И чем ближе мы подплывали, тем крепче сжимались мышцы на моем теле.

Я узнала босоногого мальчика, который прибежал на причал, чтобы закрепить бросательный конец, так как «Луна» приближалась к выходящим на поверхность камням. Рядом со мной матрос перебрался за борт, потянулся к тросам, которые удерживали трап, и принялся развязывать узлы. Трап со стуком съехал по правому борту.

— Зачем мы здесь? — тихо спросила я.

Приподняв бровь, мужчина поднял на меня взгляд, которым изучил все мое лицо. Но так и не ответил.

— Райленд! Уик!

С квартердека спустились два члена команды. Первый долговязый и тощий со светлой копной волос. Второй крупный и широкоплечий с коротко подстриженными — почти налысо — темными волосами. Матрос бросил к их ногам ящик, внутри которого задребезжал металл — я вздрогнула.

— Разбирайте.

По надетым поясам стало понятно, что это ныряльщики Золы. Почувствовав на себе мой взгляд,

темноволосый посмотрел на меня — глаза цвета обожженной пшеницы.

Джевал не порт. Сюда приплыли только за тем, чтобы сбросить лишний груз. Например, ящик свежих яиц, которые не удалось продать в каком-нибудь портовом городе, пару лишних куриц, которых не съела команда. Но был и пиролит. Но такой камень вряд ли привлечет Золу, тем более до этого на острове я не видела кораблей под его флагом.

Раз мы причалили на Джевал, то Золе было нужно что-то другое. То, чего не найти в Узком проливе.

Я прошла к носу корабля рядом с бортом и зашла за фок-мачтой, чтобы меня никто не смог узнать. В небольшой бухте на якоре стояли только маленькие суда, а вдалеке я заметила отплывающие от острова лодки, которые оставляли за собой на воде белый след и были набиты торговцами.

Всего пару недель назад я была бы среди них: отправилась на барьерные острова, а затем продала команде «Мэриголд» пиролит. Такими утрами я просыпалась с дырой в груди, потому что тонкий голос внутри меня боязливо кричал о том, что туман развеется и Уэст не приплывет. Но вот я поднималась на утес, возвышающийся над морем, и видела приплывшую «Мэриголд». И так каждый раз.

Прежде чем спуститься с корабля по трапу, Золя поднял руку и похлопал Клова по плечу. На Джевале не было капитана порта, но если с кем-то требовалось что-то обсудить, то обращались к Сорену, который уже тут как тут ожидал на причале. Его мутные очки отражали солнечный свет, а сам Сорен посматривал на «Луну», и мне на мгновение показалось, что его взгляд остановился на мне.

Он не раз обвинял меня в воровстве и даже однажды заставил выплатить долг — которого не было за мной — в размере прибыли за недельный улов рыбы. Его взгляд скользнул по кораблю, не задержавшись на мне, и вдруг я осознала, что я не та девчонка, которая бросилась к трапу «Мэриголд». Та, которая, пытаясь выжить на Джевале, побиралась и собирала каждый медяк, чтобы когда-нибудь отыскать мужчину, которому она и не была нужна. Теперь же я та девушка, которая обрела себя. Но также мне было и что терять.

Мой взгляд остановился на Золе, как только его ботинки застучали по причалу. Сорен вальяжно подошел к трапу и, как только Золя заговорил, подставил к нему слышащее ухо. Сплошная густая бровь приподнялась над оправой очков, и Сорен кивнул.

Грузовой отсек пустовал, поэтому покупать Золе придется деньгами. Но на острове торговать

нечем, кроме как рыбой, тросами и пиролитом. Ничего из этого не продать в Безымянном море.

Сорен оставил Золу и исчез в толпе, скопившейся на шатком деревянном настиле причала.

Я наблюдала, как Сорен прошел сквозь суматошную толпу и наконец исчез за кораблем.

Вокруг меня каждый член команды занимался своими делами, и никого из них не удивляла остановка на острове нырятьщиков. Я подняла взгляд на грот-мачту и верхнюю палубу, на которой матросы разворачивали штормовые паруса. Такие в Узком проливе не использовали. Они изготовлены для чудовищных ветров, которые терзают все Безымянное море.

За моей спиной вплоть до Дерна растянулась бездонная голубая гладь. Я знала, как выжить на Джевале. Если я выберусь с «Луны», если найду способ... Мысли перескакивали с одной на другую. Если «Мэригод» отправилась на мои поиски, то скорее всего она пойдет по курсу Золы напрямиком к Соване. И в итоге окажется на Джевале.

Но часть меня все еще думала, что команда «Мэригод» решит отделаться малой кровью. У них были драгоценности с «Жаворонка». Они могли бы уплатить долг Сейнту и начать торговать самостоятельно, шептал тонкий голосок в моей голове.

Возможно, они вообще не будут искать меня.

Я закрипела зубами, уставившись на свои ботинки. Я поклялась не возвращаться на Джевал, но, может, сейчас это моя последняя возможность остаться в Узком проливе. Я крепче схватилась за борт и посмотрела на воду. Прыгну — доплыву до барьерных островов быстрее любого на этом корабле. Спрячусь в ламинариях в бухте. Когда-то же меня бросят искать.

Вдруг я почувствовала, как по моей коже крадется чей-то взгляд, и обернулась. Клов стоял с обратной стороны штурвала и смотрел на меня так, будто знал, что я задумала. Он впервые, без колебаний, встретился со мной взглядом.

Убрав руки с борта, я навалилась на него и посмотрела на Клова в ответ. Он постарел. Его светлую бороду исполосовали седые волосы, а под татуировками на руках кожа потеряла свой теплый золотистый оттенок. Но это все еще Клов. Тот же мужчина, который пел мне на ночь старые трактирные песни на «Жаворонке». Который научил меня карманничать в портах и покупал мне красные апельсины на причале в Дерне.

Казалось, что Клов снова прочитал мои мысли, потому что у него передернуло лицо.

Я обрадовалась. Я никогда не ненавидела кого-то так, как в тот момент ненавидела Клова. Никогда так сильно не желала, чтобы кто-то сдох. Плечи Клова напряглись, когда я мысленно передала ему свои слова и представила его в ящике, подобном